

Modern Western Sovietology on the problem of child homelessness in the USSR in the 1920s – 1930s

N. V. Ryabinina¹, M. V. Grebennik¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-218-227

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the main works of modern Western historians considering the problem of child homelessness in the USSR of the 1920s-1930s. The classification of foreign studies depending on the object of study is proposed. Highlights the main provisions of the works concerning these problems, as well as the specific features of the methodology of the authors. As a result of the analysis, the strengths and weaknesses of Western Sovietology on the studied problems were highlighted, and a conclusion was made about the complementarity of Russian and foreign studies on this topic.

Keywords: USSR; homelessness; childhood; social policy; historiography; sovietology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ryabinina, Natalia V. | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Grebennik, Mikhail V. | E-mail: grebennik.mihail@mail.ru
Graduate

Современная западная советология о проблеме детской беспризорности в СССР 1920–1930-х гг.

Н. В. Рябина¹, М. В. Гребенник¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-218-227
УДК 930

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются основные работы современных западных историков, рассматривающих проблему детской беспризорности в СССР 1920-х – 1930-х годов. Предложена классификация зарубежных исследований в зависимости от объекта изучения. Выделяются основные положения работ, касающиеся обозначенных вопросов, а также специфические особенности методологии авторов. В результате проведенного анализа были выделены сильные и слабые стороны западной советологии применительно к изучаемой проблематике, сделан вывод о взаимодополняемости отечественных и зарубежных исследований по теме.

Ключевые слова: СССР; беспризорность; детство; социальная политика; историография; советология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рябина, Наталья Валерьяновна | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Гребенник, Михаил Викторович | E-mail: grebennik.mihail@mail.ru
Магистрант

Отечественная историческая наука долгое время развивалась в отрыве от мировой. Современные российские авторы знакомы с накопленным к началу нынешнего столетия объемом иностранных исследований. Однако используется данный опыт зарубежных коллег нечасто, возможно в силу все еще существующего предвзятого отношения к западной советологии.

История семьи и детства – неотъемлемая часть мировой системы гуманитарного знания – как самостоятельное направление исследований оформилась сравнительно недавно [1, с. 27]. Отечественная традиция изучения

проблемы долгое время строилась на принципе «государство – субъект, дети – объект». Такой подход отчасти был оправдан: многие письменные источники по теме напрямую связаны с деятельностью советских государственных и партийных органов. Однако по мере того как развивались методы исторического исследования, становилось ясно, что проблему детской беспризорности нельзя рассматривать исключительно через призму официальных документов. Анализ указанной проблемы требует от историка комплексного подхода через использование материалов периодической печати, художественной литературы, письменных источников личного происхождения и устных свидетельств.

На необходимость изучения истории детства с применением максимально широкого круга материалов первыми обратили внимание западные учёные. Филипп Арьес – французский историк, которого принято относить ко второму поколению школы Анналов, – в 1960 г. опубликовал монографию «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке». Она положила начало новой традиции научного анализа [2]. Детство стало самостоятельной категорией исторического изучения: исследователи начали рассматривать детей как самостоятельных участников общественной жизни, имеющих свои интересы, культуру и даже язык. В российскую науку такой подход приходит с большим опозданием: работа Ф. Арьеса была переведена на русский язык лишь в 1999 г. [3].

Ряд зарубежных исследований, так или иначе затрагивавших обозначенную проблему, вышел в 1950–1980-е гг. Они основывались на достаточно ограниченной источниковой базе, доступной западным советологам. Наиболее значимые труды, анализирующие детскую беспризорность в СССР, стали выходить после 1991 г., в связи с «архивной и историографической революцией» [4, с. 13], когда у зарубежных авторов появился полноценный доступ к российским архивам.

Можно условно выделить три группы исследований по указанной проблематике. Первая включает в себя работы, в которых детская беспризорность рассматривается в контексте изменений советской семейной политики, а борьба с аномалией выступает в качестве государственной функции социальной защиты граждан. Авторы, труды которых можно отнести ко второй группе, делают акцент на репрессивном характере мероприятий, проводимых в Советском Союзе с целью ликвидации проблемы. Особое внимание уделяется системе мест заключения для несовершеннолетних правонарушителей. Объектом изучения в третьей группе исследований является советское детство – особенности повседневности в переломное время. Историки стараются рассмотреть основные черты жизни детей Страны Советов, проанализировать, как на процесс взросления влияли государство и семья.

Одной из первых на проблему детской беспризорности в контексте советской социальной политики обратила внимание профессор Университета Карнеги – Меллона (США) Уэнди Голдман. В своей монографии «Женщи-

на, государство и революция...» изучаемой аномалии она посвятила главу «Первое отступление: Беспризорность и общественное воспитание детей» («The first retreat: Besprizornost' and socialized child rearing») [5, p. 59–100]. Прослеживая политику властей, автор указывает на ее неоднозначность, выделяет периоды, в рамках которых подходы к решению проблемы беспризорности существенно отличались. В исследовании приводится идея об «отступлении» («retreat») от гуманных основ работы с детьми, что наиболее ярко проявилось в 1930-е годы. Это было также «отступление» от первоначальной политики, практиковавшейся в 1917 – первой половине 1920-х годов, когда решение проблемы беспризорности мыслилось исключительно посредством системы детских домов. В условиях появления «застойной беспризорности» («chronic besprizornost'») и роста детской преступности советской власти пришлось вернуться к идее семейного воспитания. В качестве признаков «возврата» автор называет закрытие части детских домов и принятие в 1926 г. поправок к Семейному кодексу, разрешавших усыновление [5, p. 99–100].

Работа У. Голдман прежде всего посвящена анализу положения женщины в Советском Союзе. «Женский» и «детский» вопросы в концепции автора тесно переплетены друг с другом и с социальной политикой государства. Автор приходит к выводу, что в 1925–1926 гг. «семья была возрождена как “решение проблемы беспризорности”, потому что это был единственный институт, которой мог накормить, одеть и социализировать ребенка практически без затрат государства» [5, p. 100].

Под другим углом на советскую социальную политику смотрит американская исследовательница Мария Гальмарини. В своей диссертации «Право на помощь...» 2012 г. [6] и основанной на ней монографии 2016 г. [7] она рассматривает, каким образом «девиантные» граждане вписывались в советскую систему отношений между обществом и государством [8, с. 395]. Одной из анализируемых автором категорий населения становятся «морально-дефективные» дети. Отношение к ним формировала специальная наука – дефектология. Опираясь на значительную теоретическую базу, она «позволяла выводить “трудных детей” из области карательного полицейского надзора и обосновывала необходимость государственной помощи таким детям» [8, с. 396].

Однако в 1930-е гг. отношение к «девиантным» гражданам Советской Республики меняется. Лидеры государства объявляют, что в СССР созданы все условия для счастливой жизни. «Физические, гендерные и поведенческие отклонения» стали считаться лишь следствием «отсутствия у отдельных граждан моральных устоев и нежелания обеспечивать себя самостоятельно» [7, p. 175]. М. Гальмарини цитирует «партийного идеолога» А. А. Жданова, объявившего в августе 1936 г. о «ликвидации» такой категории населения, как «трудновоспитуемые» дети [7, p. 174], и приходит к выводу, что во второй половине 1930-х гг. власть перестала разбираться в причи-

нах правонарушений несовершеннолетних: дети с особенностями развития, и те, кто пошёл на преступления по социально-экономическим причинам, оказывались в учреждениях, подведомственных НКВД, где им не оказывалось ни педагогической, ни медицинской помощи [7, p. 172].

Обратим внимание на термин «активисты» («activists»), используемый М. Гальмарини. Так автор называет специалистов, занимавшихся работой с «девиантными» гражданами [7, p. 11]. В монографии им посвящена третья глава [7, p. 79–114]. М. Гальмарини отмечает двойственную роль «активистов» в социальной сфере. С одной стороны, они воспринимали помощь как средство достижения порядка в обществе и контроля над ним. Нередко такие установки воплощались в жизнь методом принуждения и даже физического насилия [7, p. 9]. С другой стороны, по мнению многих «активистов», помощь была невозможна без чёткого представления о человеческом достоинстве и должна была соответствовать высокому стандарту прав личности при социалистическом режиме [7, p. 9].

Одним из самых ярких «активистов», которые работали с «морально-дефективными» детьми, М. Гальмарини-Кабала называет Василия Исидоровича Куфаева [7, p. 169].

Отличительной особенностью послевоенной зарубежной историографии стал интерес к феномену сталинизма и советской репрессивной модели, частью которой являлась система борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Подобные акценты сохраняются и у современных исследователей. В работе американского автора Энн Эпплбаум «ГУЛАГ. Путь к Большому террору», изданной в 2003 г. [9] и переведённой на русский язык в 2006 г. [10], представлена глава «Женщины и дети» [10, с. 294–316]. Автор подчеркивает, что в 1930-е гг. значительное число детей оказывалось в детских домах после ареста родителей. Некоторые дети рождались уже в исправительно-трудовых лагерях. Спорно звучит утверждение Э. Эпплбаум о том, что в городские детские дома они обычно попадали в двухлетнем возрасте [10, с. 308].

Наиболее интересен поднятый автором вопрос об адаптации таких детей к условиям детских учреждений. Э. Эпплбаум указывает на плачевное состояние многих детдомов в изучаемый период и неоднородность состава воспитанников [10, с. 309]. Так, Владимиру Глебову (сыну Льва Каменева) пришлось приспособливаться к жизни в специальном детдоме в западной Сибири, где он был вынужден перенимать «привычки шпаны» [10, с. 310]. Четырнадцатилетнему Петру Якиру повезло еще меньше: его обвинили «в организации анархической конной банды...» [10, с. 313], за что он был направлен в тюрьму, а оттуда – в исправительный лагерь на пять лет [10, с. 313].

Анализируя источниковую базу указанных трудов, можно сделать вывод, что набор источников, доступный иностранным авторам, мало отличается от того, чем располагают отечественные исследователи, за исключением архивного материала, представленного у российских авторов

значительно шире. Огромный интерес за рубежом проявляется к сборнику «Дети ГУЛАГа...» (2002 г.) [11]. С дополнениями сборник вышел на английском языке в 2007 г. [12] В подготовке издания участвовала, в частности, профессор истории Университета Нью-Гэмпшира (США) Кэти Фриерсон, которая позднее развила обозначенную тему в работе «Молчание было спасением: советские дети, пережившие сталинский террор и Вторую мировую войну» [13]. Книга состоит из десяти устных историй детей, родители которых были репрессированы. К. Фриерсон разделила собранные материалы на три части: 1) период жизни ребенка до ареста родителя, 2) после ареста, 3) взрослая жизнь [14]. Автор признает, что книга была бы более репрезентативной, если бы она собрала больше интервью или если бы ей удалось собрать их ближе ко времени событий [14]. Тем не менее и в таком виде труд является ценным, особенно если учесть, что устные источники редко используются при разработке темы.

В рамках обозначенной проблемы наиболее интересными представляются специальные работы, посвященные советскому детству. «Брошенным детям» в Советской России посвящена монография профессора Маркеттского университета (США) Алана М. Болла, опубликованная в 1994 г. и не переведённая на русский язык [15]. На фоне более поздних работ данное исследование отличается многосторонностью. В рамках книги автор анализирует причины появления аномалии, государственную политику в отношении беспризорных, быт и культуру таких детей. Само название работы «Но теперь уж душа очерствела...», являющееся переводом строки из песни 1920-х гг., говорит о степени погружения автора в тему.

Благодаря обозначенному подходу, учёному удалось достигнуть высокой степени объективности. А. Болл приходит к выводу, что в значительном росте детской беспризорности в 1918 – начале 1920-х гг. нельзя винить исключительно большевиков: причины появления аномалии были глубже, нежели непродуманная политика социалистического правительства [15, р. 198]. Применительно к 1930-м гг. автор выделяет два аспекта. С одной стороны, политика государства в обозначенный период породила новую, эндогенную, волну беспризорности [15, р. 190]. Она была связана прежде всего с проводимыми в деревне процессами коллективизации и раскулачивания. В условиях экстенсификации труда в годы первых пятилеток обострялась проблема безнадзорности в городах: родители выполняли и перевыполняли планы, а детей воспитывала «улица». С другой стороны, начавшаяся индустриализация создавала большое количество новых рабочих мест, что позволило ликвидировать безработицу, в том числе среди подростков, что отчасти смягчало проблему беспризорности [15, р. 191].

Исследователь обращает внимание на то, что романтизированный образ беспризорных существовал лишь в официальной пропаганде, обыватели воспринимали таких детей как источник опасности. Выпускников детдомов неохотно брали на работу, считали бездельниками и ворами; девушкам,

воспитанным в детских домах, было сложно выйти замуж [15, р. 188]. Сами детдома горожане старались обходить стороной: от энтузиазма в отношении к ним, наблюдавшегося в первые постреволюционные годы, очень скоро не осталось ни следа; их стали «клеить как приюты для отбросов общества» [15, р. 192]. Особо, по мнению автора, следует отметить роль тех советских руководителей, педагогов, журналистов, которые в сложившихся условиях пытались внести посильный вклад в решение данной проблемы [15, р. 199].

Работа профессора Уэст-Честерского университета (США) Л. Киршенбаум «Маленькие товарищи: революционизация детства в Советской России» посвящена в первую очередь детям дошкольного возраста. Однако ценные идеи, касающиеся беспризорности, в ней тоже имеются. Так, по мнению автора, нерешённость «детского вопроса» в Советской России стала одной из причин, тормозящих процесс женской эмансипации [16, р. 1]. Необычно звучит мысль о том, что беспризорников в 1920-е гг. идеализировали, считая их «эмансипированными детьми» [16, р. 143]. Однако в 1930-е гг. стало преобладать представление о социальной опасности таких детей и необходимости усиления ответственности взрослых за поведение несовершеннолетних [16, р. 143–144].

Особого внимания заслуживает исследование профессора русистики Оксфордского университета (Англия) Катрионы Келли «Мир детей: взросление в России», опубликованное в 2007 г. [17]. Проблеме детской беспризорности посвящена вторая часть работы под названием «Дети сами по себе» («Children on their own»), разделённая на четыре главы. В ней К. Келли последовательно анализирует положение детей, оставшихся без попечения родителей, прослеживая изменения на протяжении целого столетия – с 1890 г. до распада Советского Союза [17, р. 157–286]. Третья глава, «Дети государства, 1935–1953 гг.» («Children of the State, 1935–1953») [17, р. 221–257], переведена на русский язык и размещена в Сети в виде отдельной статьи [18].

Можно согласиться с мнением исследователя А. А. Славко в том, что работа ставит новые, пока мало изученные в отечественной историографии проблемы: в частности, вопрос об использовании в Советском Союзе опыта работы с трудными подростками, накопленного в дореволюционной России [4, с. 14]. Не менее ценной является информация относительно положения воспитанников детских домов. Исследовательница отмечает, что в некоторых случаях материальное обеспечение таких детей было лучше, чем у «семейных», а к их плохому поведению относились более лояльно [17, р. 219]. Еще один слабо проработанный в отечественной историографии вопрос, поднятый в исследовании, касается профессиональной деятельности выпускников детских домов. Автор акцентирует внимание на том, что такие юноши и девушки занимались в основном неквалифицированным трудом, несмотря на «утопические заявления о развитии индивидуальных интересов воспитанников» [17, р. 218].

Многие проблемы, затронутые К. Келли, заслуживают отдельного изучения. Как изменялся образ беспризорного ребёнка в официальной пропаганде? [18] Как соотносится положение «детей государства» и «семейных детей» в изучаемый период? [17, р. 218] В чем сходство и различие в воспитании сирот в Советской России и Европе? [17, р. 219] На данные вопросы отечественным и зарубежным исследователям еще предстоит ответить.

Пик интереса зарубежных исследователей к проблеме советской беспризорности прошёл – значительная часть рассмотренных в статье работ вышла в конце 1990-х – 2000-е гг. Однако разработка темы продолжается. Так, в 2023 г. была издана монография профессора государственного университета Кеннесо (США) Б. Б. Горшкова «Темная сторона раннего советского детства 1917–1941» [19]. Автор разделяет взгляды, сложившиеся в эмигрантской литературе, согласно которым советская внутренняя политика считалась неэффективной и даже провальной. По мнению исследователя, именно непродуманный курс большевиков вызвал общую гуманитарную катастрофу, которая ускорила рост сопутствующих проблем, в том числе и беспризорности [19, р. 3]. Более того, меры государства по борьбе с детской бездомностью и голодом часто усугубляли эти бедствия и создавали новые. В книге подчеркивается разница между идеологическими установками, моральными нормами и реально проводимой политикой [19, р. 3–4].

Если «отправную точку» работы нельзя назвать новой, то ряд других идей автора заслуживает внимания. Так, Б. Б. Горшков, проанализировав термин «беспризорный», отмечает, что в советское время он подразумевал именно ребёнка, хотя беспризорные-взрослые, несомненно, существовали [19, р. 4–5]. Сам феномен беспризорности воспринимается автором как динамическое явление: одни дети выросли, другие – находили место в детдомах, третьи – умирали на улицах и, наконец, были дети, которые, наоборот, сбегали из семей или специальных учреждений, пополняя ряды беспризорных [19, р. 5–6].

Очевидно, что при изучении детской беспризорности иностранные авторы недостаточно внимания уделяют терминологии. Определенные проблемы в этой области существуют и в отечественной историографии, например, с разграничением понятий «беспризорность» и «безнадзорность», однако они носят главным образом методологический характер. В зарубежных исследованиях подобные трудности вызваны в первую очередь непониманием социокультурных особенностей Советской России. При анализе общественных инициатив по борьбе с беспризорностью иностранными авторами нередко применяются обозначения «благотворительность» и «филантропия» [15, р. 48, 52, 144]. Однако современники изучаемых событий подобных слов старались избегать. Во многом благодаря проводимой пропаганде, благотворительная деятельность связывалась с прежним строем, воспринималась как унижительная для человеческого достоинства подачка со стороны представителей бывших господствующих классов. Мероприятия по оказанию

помощи нуждающимся со стороны широких слоев населения именовались общественной помощью [20, с. 39–40].

Подводя итоги, отметим, что отечественные и зарубежные исследования по изучаемой теме не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. Иностранцы поднимают вопросы, которые в отечественной науке мало изучены. В частности, слабо освещена проблема трансформации образа беспризорного ребёнка в официальной пропаганде и представлении обывателей; недостаточное внимание уделяется поиску связей между решением «женского вопроса» и исследуемой аномалией; фрагментарно изучены судьбы детей, пострадавших от потрясений 1917 г. – 1930-х гг.

В зарубежной литературе более активно используются новые методы исследований. Например, У. Голдман рассмотрела проблему с точки зрения гендерного подхода, М. Гальмарини – на основе интеллектуальной истории. А. Болл и К. Келли, анализируя в своих работах стереотипные представления советских граждан о беспризорных, осветили аномалию с позиции истории ментальности. Примером развития темы в русле устной истории является серия интервью, собранная К. Фриерсон.

В чём-то результаты зарубежных исследований повторяют выводы российских учёных, в чём-то дополняют их, определяя новые векторы для разработки темы. Среди проблем, существующих в западной историографии, можно отметить нередко поверхностное понимание специфики советской действительности и российского менталитета, дефицит источникового, прежде всего архивного материала.

Остаются также слабые звенья в историографии в целом. В частности, значительный пласт художественной литературы про беспризорных остается практически невостребованным. Аномалию продолжают изучать «сверху вниз», и крайне редко научный анализ доходит до последнего звена – самого ребенка, т. е. необходимо более активно использовать микроисторический подход. И, наконец, слабо используются количественные методы, несмотря на обилие статистической информации и массовых источников. Таким образом, только посмотрев на проблему под разными углами, можно будет создать подлинную картину советского прошлого.

Ссылки

1. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни, 1917–1940 гг. М.; СПб.: ИРИ РАН: центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
2. Ariès P. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Librairie Plon, 1960. 503 p.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
4. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2005. 27 с.

5. Goldman W.Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 367 p. URL: <https://archive.org/details/womenstaterevolu0000gold> (accessed 08.05.2023)
6. Galmarini M. *The «right to be helped»: welfare policies and notions of rights at the margins of Soviet society, 1917 – 1950: Dissertation... for the degree of Ph.D. in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana-Champaign, 2012*. 338 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/10201095.pdf> (accessed 08.05.2023)
7. Galmarini-Kabala M. C. *The right to be helped: deviance, entitlement, and the Soviet moral order*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 322 p. URL: <https://www.perlego.com/book/1039003/the-right-to-be-helped-deviance-entitlement-and-the-soviet-moral-order-pdf> (accessed 08.05.2023)
8. Клоц А. Советская система социальной защиты: между эмансипацией и контролем. Galmarini-Kabala M. C. (2017) *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 322 p. IBAN: 978-0-87580-769-0 // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 2. С. 395–398. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/7837> (дата обращения: 17.01.2024).
9. Applebaum A. *Gulag: A history of the Soviet camps*. London [etc.]: Allen Lane: Penguin books, 2003. 610 p.
10. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.
11. Дети ГУЛАГа, 1918–1956. М.: МФД, 2002. 631 с.
12. *Children of the Gulag*. New Haven; L.: Yale univ. press, 2010. 450 p.
13. Frierson C. A. *Silence was salvation: child survivors of Stalin's terror and World War II in the Soviet Union*. New Haven; L.: Yale univ. press, 2015. 267 p.
14. Bath D. W. Review of *Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union*, by Cathy A. Frierson // *Oral History Review*. 2017. Vol. 44, № 1. P. 136–138. URL: muse.jhu.edu/article/660076 (дата обращения: 13.12.2023).
15. Ball A. M. *And Now My Soul is Hardened. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley: University of California Press, 1994. 335 p. URL: <https://archive.org/details/andnowmysoulisha00alan> (дата обращения: 10.11.2023).
16. Kirschenbaum L. A. *Small comrades: revolutionizing childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. N.Y.; L.: Routledge Falmer, 2001. 232 p.
17. Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. L.: Yale University Press, 2007. 714 p. URL: <https://archive.org/details/childrensworldgr00kell/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 10.11.2023).
18. Келли К. Дети государства, 1935–1953 // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 2. С. 37–68. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html> (дата обращения: 10.11.2023)
19. Gorshkov B. B. *The Dark Side of Early Soviet Childhood, 1917–1941. Children's Tragedy*. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2023. 220 p. URL: <https://www.bloomsbury.com/us/dark-side-of-early-soviet-childhood-19171941-9781350098688/> (дата обращения: 10.11.2023).
20. Рябинина Н. В. Социальная пропаганда в Советской России в 1917–1920-е годы: идеи, формы, результаты // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2015. № 4. С. 37–43.